

ФИЛОСОФИЯ, НАЦИЯ, КУЛЬТУРА

- *В поисках европейской идентичности*
- *Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития*

УДК 008:314:39

В поисках европейской идентичности

В. Канавров, доктор философских наук, профессор (Университет г. Благоевград, Болгария)*

В статье с философско-мировоззренческих позиций осмысливается феномен идентичности как фактор единства и целостности разнообразных культур Европы.

In the Search of European Identity

V. Kanawrow, PhD in Philosophy, Professor

The article covers philosophical comprehension of the phenomenon of Identity as factor of Unity and Integrity different European cultures.

Быть единой и единичной – это европейская мечта. Со времен Фалеса и Гераклита, Платона и Плотина мы, европейцы, очарованы этой мечтой. Августин и Фома, Кант и Гегель, Маркс и Хайдеггер, а также Иисус и христианские церкви, Александр Македонский и Наполеон, политики холодной войны вчерашней Европы и политики современной объединенной Европы стремятся к осуществлению этой мечты, и каждый по-своему способствует ее реализации.

С тех пор, как Логос утвердил себя в античной Греции над хаосом и мифом и начал не только влиять на духовность и общество, но также познавательно и, исходя из этого, онтологически определять их, эта мечта стала конечной целью, в которой сплелось все: мир земной и мир небесный, метафизика и реальная политика. Она также начала составлять весь смысл философствования.

Европейская Античность, к сожалению, не смогла онтологически осуществить эту мечту. Еще господствовал хаос, общество недостаточно осознало себя, мифы во многом определяли бытие, не хватало монотеистической религии, и, что самое главное, мышление не развивалось в направлении онтологической конститутивности. Необходимо, однако, подчеркнуть, что мышление в его абстрактной и конкретно-человеческой, метафизически-априорной и эмпирической форме является настоящей движущей силой конститутивности единого и единичного.

Духовную жизнь Средневековья можно уже понимать как догматично-монотеистическую, а ду-

ховность эпохи Нового времени – как критически-и рационально-монотеистическую. С философской точки зрения мечта уже осуществилась, поскольку в религиозной философии Бог также является имманентной частью системы, или той частью, которая проявилась как выражение Его духовности.

В философии Христиана Вольфа и особенно в философии Гегеля абсолютный дух как абсолютное мышление и абсолютное познание полностью идентифицируется с духовным, т. е. с подлинным бытием. Такое тождество у Гегеля имеет как метафизическое значение, т. е. онтологическое и религиозно-философское, так и социально-философское, т. е. политическое, государственное и т. д.

Философская система Гегеля венчает монорациональное (абстрактно-увиденное) и моносоциальное (мирское светское) действие абсолютного духа. Закончилась ли эта модель актуальности, т. е. монорационального понимания истории, или может закончиться – это уже другой вопрос. Он зависит в основном от внутренней силы и продуктивности абсолютного духа в его онтологически конструктивном действии. Гегель много говорит об отрицании, диалектике и развитии. И всё же у него абсолютный дух проявляет свою онтологически-конститутивную хитрость. В качестве онтологии эпохи Нового времени дух воспринимался отрицательно. Несмотря на лучшую, вечную и методически эффективную диалектику, он не может развиваться по пути абсолютного духа. И выход может быть только один: Логос нужно реформировать изнутри, т. е. освободить его от абсолютной моноформы и попытаться сделать его много-

---

* Перевод и редакция И. И. Ковгана и А. А. Легчилина.

сторонним и непротиворечивым. Другая альтернатива: отказ от онтологии Логоса, т. е. от конститутивного мышления — это абсурд и не имеет никаких перспектив в Европе.

Бунтующий XIX в., который на фоне гегелевской глобальной и тотальной системы можно обозначить как эпоху декаданса, разрушил эту единую онтологию абсолютного духа, высшей интеллигенции и монизма. Важно отметить, что декаданс всегда нуждался в единстве. Ницше провозглашает: «Бог умер». Таким образом, монистическая онтология теряет свою суть, свое персонифицированное начало, свой источник Логоса. Фрейд разделил (созданное наилучшим образом Фихте) тождество *Я-как-крепость* и основу человека как его подлинную природу в этом мире. Вскоре после этого Леонард Нельсон реставрирует диалог как адекватный метод поиска истины. Монолог разума заменяется диалогом. Единая форма рациональности утратила основу и создала место для противоречий, афоризмов и дискурса.

Существует еще множество философских фактов, которые также способствовали декадансу единого и единичного: введение Шопенгауэром воли в качестве источника бытия (который связан с духом, несмотря на полностью различный характер), абсурд и парадокс Кьеркегора, открытие Марксом социального отчуждения, провал проекта Богочеловечества Достоевского, эмпирическая история Дильтея как реальная причина, позитивизм продолжительного и действенного позитивизма и т. д.

Было бы ошибочным утверждать, что после Ницше и Фрейда европейская духовность идет к декадансу и упадку. Даже анархизм XX в. не доказывает это, потому что он всегда был (и есть) маргинальным феноменом. Если Европа в действительности пережила период декаданса и упадка, то с философской точки зрения можно рассматривать этот период как упадок логоцентрического монизма единичного (Бога, Я, абсолютного государства). С исторической точки зрения это происходило после 30-х гг. XIX в., вплоть до Первой мировой войны¹. В то время (в поздней философии Гегеля) абсолютный дух использовал в первый раз свою хитрость как демиург бытия. И после этого декаданс распространил монизм единичного. Постепенно он утратил свою конститутивную силу бытия и системы. Поэтому духовный процесс дека-

данса был закончен Ницше, Фрейдом и Нельсоном. Они опровергли субстанциальную и системную силу единичного и провозгласили — каждый на свой манер — новый гуманизм, который имеет принципиальные отличия от гуманизма Ренессанса и Просвещения. С точки зрения единичного и божественного можно сказать, что этот гуманизм является более человеческим. Он больше связан с различным, многосторонним и разнообразным количеством людей, чем с большими, развитыми и свободными от противоречий системами абстрактных категорий и идеальных ценностей.

Европейская мечта всё же не умерла. В прошлом столетии нам, европейцам, понадобились три войны — две мировые и одна холодная, — чтобы понять, что этой мечте обязательно нужен плюрализм и пополнение своей идентичности из многих источников. Субстанциальный монизм необходимо заменить духовным плюрализмом. Такой плюрализм требует не только идеального, но и бытийного единого. Единое — это уже не обладание и автономия, не независимость и сила, а объединение и связь, диалог и поиск компромисса, принадлежность и толерантность.

Гитлер и Сталин не понимали этого². К сожалению, многие мыслили (некоторые еще и сегодня) такими понятиями, как преобладание и превосходство, вымогательство и бюрократия, сила и террор. После Второй мировой войны ещё многие годы монархи и диктаторы, военные и промышленники, политики и идеологи, интеллектуалы и простые люди, не были готовы расстаться с идеей и практикой гегемонии и работать для диалога. И называть злом фашизм, коммунизм или терроризм, не имеет смысла (конечно, если лично не пострадал от одного из них). Их корни всегда одни и те же: анахроническая поддержка личного центра, культ личности, фанатичная борьба за абсолютную идеологию. Пожертвовали бы всеми людьми, чтобы выстоять и победить врага. Атомная война в Европе была реальной возможностью.

Переломным годом для Западной Европы является 1968, а для Восточной — 1989. Это поворотные пункты, где идея духовного и политического плюрализма одержала верх над попыткой реставрации диктата, произвола и абсолютизма. Как на Западе, так и на Востоке стало ясно, что стремле-

¹ Когда падают бомбы вместо мира, когда над землей растекается ядовитый газ вместо блага, когда гибнут простые люди и невинные дети, когда национализм завоевывает все умы и силы, когда священник против священника и церковь против церкви, тогда невозможно говорить о передаче вечных ценностей.

² Режимы Сталина и Гитлера и так называемый развитой социализм в Восточной Европе между 1944 и 1989 гг. можно объяснить как реванш монизма в форме идеологий, военной и полицейской диктатуры. В этой связи можно привести слова Гегеля о том, что история повторяется дважды, и во второй раз — это всегда фарс. К сожалению, миллионы европейцев много и долго страдали от этого фарса тоталитаризма.

ние к превосходству — это губительная амбиция. Не только губительно, но и бессмысленно практиковать превосходство, владеть ситуацией и господствовать над людьми, контролировать жизнь общества с помощью идеологии и править с позиций силы. Общество не функционирует по третьему закону термодинамики. Необходимо обсуждать сложные спорные вопросы и не практиковать диктатуру. Сосуществование нуждается в участии, совместной работе, отзывчивости, сострадании.

Как и любое начинание, осуществление социального плюрализма — нелегкая задача. Хотя многие идеи и модели нам известны уже из античного плюрализма богов и душ, едва ли можно защитить в сущности мифический тезис вечного возвращения (Ницше). Скорее необходимо заново ощутить полифонию голосов, по-новому истолковать различные толкования бытия и многогранность человеческого существования, создать новую модель социальной конвенции и политического консенсуса, возродить красоту индивидуального смысла и совместную работу для всеобщего блага. Центральная проблема звучит так: как можно сочетать здорового, естественного, свободного от фальшивых ценностей и лицемерных моральных правил ницшеанского сверхчеловека с описанным Фрейдом существом, истерзанным фобиями, комплексами и патологиями? Нужно ли ссылаться на природу, а значит на невежество и чистоту человека и окружающего мира после того, как стало ясно, что вокруг нас нет ничего естественного и весь человеческий мир — это мир символов и ценностей? Или, наоборот, необходимо максимальное и тотальное регулирование, которое, однако, скорее устраняет все индивидуальное и спонтанное, нежели стимулирует. Или простой прагматизм является лучшим решением?

Количество вопросов увеличивается, и это неплохо. Во многих вопросах содержится сила многообразия современности. Вопросы открывают новые территории, новые возможности. Вопросы не опасны. Диктаторы не терпят вопросов, монархи не дают ответов, тираны уничтожают спрашивающих. Плюралистическая духовная культура основывается на вопросах, в которых содержатся потенции и дискурсивные проекции.

Европейскую мечту сегодня, вопреки всему постмодерну, можно представить как единую, но все же плюралистическую онтологию культуры. Общественная реализация этой онтологии является важнейшим современным требованием объединенной Европы. Речь идет о характере единой и многообразной Европы. Плюралистическая духовность является предпосылкой модели дискурсивного общества. Она всегда в большинстве, по-

тому что предполагает динамическое большинство и меньшинство, региональные группы и равноправные массы, которые продолжают в тотальном единстве дискурса. Это мир культуры, которую ни в коем случае нельзя понимать как культуроцентризм. Культура не является ни центром, ни фокусом, она не принуждение и не приказ. Плюралистический культурный дискурс основывается на множественности в персистенции и толерантности, в сосуществовании и диалоге. В современной философии дискурс означает не только диалог, логику, метод и язык, но и экзистенцию и культурное бытие. Но при этом нельзя забывать, что уже Кассирер определил неравновесный характер культуры как «соревнование и состязание».

Виндельбанд был первым, кто понимал культуру как «воплощение идеала из имеющейся данности» с помощью трансцендентального философско-исторического метода. Он теоретизировал культуру как «совокупность всего того, что человеческое сознание смогло выработать из данного благодаря своему разуму». Таким образом, культура предстает как квинтэссенция бытия. Виндельбанд использует понятие воспроизведение для определения культуры как нового интеллектуального и нравственного творения жизненного мира в отличие от эмпирической (исторической) данности.

Понятие культуры имеет долгую историю в философии. Здесь необходимо упомянуть сначала *cultura animi*, родство с *cultus*, противоположность *natura*. Таким образом, культура была вначале деятельностью, и только позднее обрела значение, смысл, ценность, суть, онтологию. Величайшие имена в этом концептуальном развитии: Самуэль Пуфендорф, Руссо, Гердер, фрейбургские кантоницы и многие другие. Культура существовала всегда в некотором смысле во множестве, но только лишь после заката монистических религий она превратилась в онтологемичную. Итак, она отображает потерю центра бытия, всеобщего рационального контроля, единых стандартов, норм, оценок, описаний, взглядов. Обретает смысл глобальная культурная связь не только бытия и истории (основательно изменяется отношение к просвещению), но и овладение физикой (см., например, теорию относительности Эйнштейна).

Культура ставит под сомнение, нивелирует и удаляет духовные ценности. Она не терпит никаких монад и абсолютов. Онтологическая сублимация субстанций превращается в культурную запущенность бытия. Однако культура заботится и о меньшинствах. Всякая утрата любого меньшинства означает утрату существования ее самой. Имеющаяся часть, социальный атомизм, а не

основная основополагающая субстанция, является сущностной моделью культуры.

Современная постмодернистская (преимущественно французская) философия характеризует данную ситуацию исходя из неясной и непоследовательной позиции. Конец модернизма переходит в постмодернистскую ситуацию, где все современные «измы» бессмысленны, и поэтому запрещены. Он не имеет даже собственного названия. Этот «пост» напоминает «мета» – понятие (связанное с именем Андроника из Родоса), но только взятое из латинского языка. Почему не из греческого, почему не из одного языка?³ И что же означало бы тогда название «метамодерн»? Может ли быть, что в сопоставлении с многогранной метафизикой метамодерн станет пустым, бессмысленным и ненужным словом? Или, может быть, это «мета» (метамодерн) означает «после» или «после этого», что не имеет никакого собственного смысла?

Определение культуры (онтологизация), а также плюралистическое определение современной духовной ситуации – это самопреодоление своей индивидуальности и частности. Оно отказывается от прошлого единого и прежних исканий единичного, так как они уже стали противоречивыми и растворились в надвигающемся нигилизме, и так как одновременно с этим всеобщий всезнающий Логос превратился в коварный Разум. Так индивидуальность разрушает саму себя, поскольку она не может быть монадологизирована. Единственный выход из данной ситуации – это культурная релятивация, определенная извне и направленная вовне, которая экзистенциально проявляется во множестве дискурсов. «Культурная антропология – это все, что нам нужно», – пишет Рорти.

Культура аморфизуется, потому что ее собственная природа неопределенна и неустойчива. Ей исторически присуща духовность, при которой рациональность утратила свою принципиальную и ведущую онтологически-конститутивную роль. Культура постепенно становится дискурсивно-резонансной. Она представляет статус кво (существующий порядок) больших и маленьких обществ, в которых человек проецирует свою собственную природу отчужденным способом, одевая ее при

этом в определенное «платье» соответствующего общества. Так укрепляется либеральный политический дискурс, который стремится к совместной работе и консенсусу, но не к истине и справедливости. Время утрачивает свою диахроническую ценность, история больше не творит бытия. Синхронистское определение ее свойств – человеческая свобода в качестве групповой идентичности.

Плюралистическая онтологема культуры обобщает средства, превращая их в инструменты онтологического топоса, который объединяет в себе раздробленные индивидуальности. Они не имеют собственной монадности, значимой суммы, социальной субстанции. Они, по Дьюи, – дикорастущие цветы жизни. Приводит ли это к новой утопии, или апеллирует к новому мифогенезу или новой идеологии, или же просто существует в виде свободного общества, ищущего «новую свободу», – это является темой сегодняшнего политического дискурса. Он должен затронуть Иное (Трансцендентное), придать ему человеческий облик и заставить его преобразовывать самого себя как оболочку не имеющего и ищущего убежища человека. Прежде политика была неизбежным злом. Сегодня она – собственное бытие человека в его инобытии. К этой роли политики стремятся также футбол, фирма, телевидение, сексуальность, наркотики, нации и т. д. Они представляют собой культурные маски, которые всё же не имеют карнавального характера и не могут быть сняты по желанию. Скорее лица, которые прикрывают эти маски, лишены собственного «я». От свободы остается лишь знак с отпечатком свободы. Из страха, боли и болезни отчужденность превращается в уютный и спокойный экзистенциальный дискурс.

В этой ситуации ярко выраженного плюралистического культурологического образа мыслей философское познание как априорное мышление должно искать свой собственный сектор в онтологизации. Истинная европейская логофилософия должна активно и настойчиво вмешиваться в современную культуру не только как традиция, но также как живая интеллектуальность. Вряд ли есть философ – даже среди постмодернистов, – который в своем дискурсе не вступал на путь познания. Вряд ли есть член «дискурсивного общества», который нынешнюю «постмодернистскую ситуацию» анализировал бы вне познания и мышления. Едва ли есть вопрошающий о себе самом и о мире человек, который не обращал бы внимание на познание. Едва ли можно сегодня вести духовную жизнь без чистого мышления, поэтому Николас Решер, анализируя жизненную энергию различных типов идеализма, подтверждает приоритет понятийного идеализма как необходимую кон-

³ В древнегреческом языке известно слово «мода». Оно означает материал для покрытия полов. Как термин оно не встречается в текстах древнегреческих философов, но в лексиконе Гезихия (V в.) оно имело значение *stromata* («временность, текучесть») (ср. Климент Александрийский). Несмотря на это можно сказать, что когда речь идет о «моды и модернизме», то современная лексикография ссылается на раннелатинское *modus* и позднелатинское *moder nus*.

цептупальность для аргументации схем толкования исследований природы.

Это есть философская реабилитация познания (фундаментальность познания всегда идеализм!), и возвращение интеллектуального и экзистенциального удовольствия от познавательного-метафизических «из-за формы» и «для опыта» в их не только априорной топике, но и в трансцендентальной медиативности и онтологической конститутивности.

Синтетическая сила чистого мышления, которая не только ищет правды и справедливости, но и исследует существование человека между трансцендентностью инобытия и аутентичностью находит свою конститутивную эффективность в отношении как трансцендентного, так и трансцендирующего существования человека.

Культура как онтология современности еще не достигла своего апогея. Эпоха еще не получила своего имени. Множество «пост-», «нео-», «анти-», «ана-» «гипер-» и так далее показывает процессы становления нашей эпохи. Она в непрерывном поиске идеала, своей собственной идентичности.

В этом смысле единая Европа представляет собой многогранную Европу с множеством национальностей и народов, городов и провинций, языков и диалектов, с многочисленностью традиций, обычаев и религий. Но ее дискурсивное единство заключается в философских концепциях и систематическом проявлении силы мышления, которое действует полирационалистически во многих параллельных формах и онтологически конституирует наше плюралистическое бытие.

Таким образом, можно философски рассуждать о европейской идентичности без опасения, что постановка этого вопроса априори бессмысленна или несвоевременна, а полученный ответ будет легкомысленным или постмодернистским в том смысле, что эта идентичность — простая сумма: сумма индивидуальностей, народов, национальностей, языков, традиций, культур и так далее. Спрашивать философски означает спрашивать о мере и схеме мышления. Эти меры мы имеем априорно и, стало быть, метафизически. А это значит, что мышление — это подлинная форма всякой действительности и бытия, включая все поставленные вопросы, по крайней мере, если стремиться к онтологии.

Европейскую идентичность можно представить только как плюралистическое единое и целостное. Одним словом, эта идентичность явственно обрисовывает культуру, которую можно философски представить как современную плюралистическую онтологию. Когда мы говорим о единстве Евро-

пы, мы говорим о договорах, интеграциях, коммуникациях, политике, разнообразных видах деятельности и т. д. В разнообразных ситуациях есть очень важное и не столь важное. Но всё идет и раз-вивается в комплексе и совокупности. Нельзя до-пускать единообразия: никакого национализма и никакого шовинизма, ничего за счет других. И, наконец, если сегодня в Европе мы не только признаем эту мечту, но и работаем для ее реализации, — нам нужны также перемены в философии. Я имею в виду переход от констатирующей и определяющей к созидующей и конструирующей философии, от витгенштейновско-хайдеггеровской аналитической к новой синтетической философии. Она основывается на креативном мышлении, на творческом Логосе, который, однако, ни в коем случае не может быть субстанциализирован как у Декарта и Гегеля. Согласно этой концепции, бытие можно систематически представить как плюралистическую онтологию культуры. Потому концепция мультикультурализма Чарльза Тейлора является само собой разумеющейся, поскольку монокультурность есть только в биологии.

Эта новая синтетическая философия — трансцендентальная философия, в которой мышление выполняет креативные функции трансцендентального синтеза. Но, поскольку нет больше возможности субстанциализировать форму мышления, то ее можно виртуально *a priori* типологизировать. Таким образом, я говорю о виртуальном трансцендентализме, в котором мыслительный синтез через большую схематичность (время, свобода, социализация, образование, политическое воспитание) обращается к опыту, но не к возможному опыту, как у Канта, а прежде всего к опыту, герменевтически обработанному в систему эмпирических понятий. Нет всеобщего опыта, а есть множество герменевтически созданных опытных сфер. Благодаря этому синтезу мыслительных форм и эмпирических понятий многостороннего регионализованного опыта возникает плюралистическая онтология культуры, которая сегодня воплощает европейскую мечту о единстве.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.12.2008 г.

---

⁴ Являются ли хайдеггеровские *дефисы* формами бытия или мышления? Не являются ли они выражением конечных синтезов мышления, чтобы по-новому проанализировать *Dasein*, и, соответственно, по-новому синтезировать его через мышление? И что же означает тогда фундаментальный хайдеггеровский анализ? Не новая ли это проекция синтеза мышления? Не является ли фундаментальная онтология новым становлением слова, которое рефлегирует себя через действительность?